

ТВОРЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

СПЕКТАКЛЬ НАЧИНАЕТСЯ ИЗДАЛЕКА...

Еще далеко до того вечера, когда поднимется занавес премьеры и театр вынесет новую свою работу на суд зрителей.

А спектакль уже есть! Он живет в красках, в волшебных переливах света, с утренними зорями и мягкой чернотой апрельской ночи, с одинокой березкой у дороги и неоглядными далями, куда бежит и зовет дорога. Спектакль живет в воображении художника, он создан его фантазией.

Пройдет много времени, пока спектакль «станет на ноги», обрстет декорациями, наполнится светом, музыкой и голосами. Может быть, от первого видения художника перейдет на сцену немного, может быть, все будет по-другому...

Сегодня в Хабаровском краевом театре драмы премьеры пьесы Арбузова «Иркутская история».

В пьесе говорится о трагическом событии, случившемся на строительстве Иркутской ГЭС. Это рассказ-раздумье о великой силе любви, о прекрасных людях наших дней, о чистоте их душ, о их верности в дружбе. О судьбе Вали, Сергея и Виктора повествует хор, свидетель уже отходящих в прошлое событий.

Как передать эту атмосферу грустной и светлой задумчивости, дымку времени, которой повита «Иркутская история»?

И чтоб было видно: все произошло именно на ГЭС, на могучей сибирской реке.

Как объединить эту легкую романтическую, лиризм настроения и мощные приметы большой, вполне материальной стройки?

— Мы много думали с режиссером об этом: как? Как сделать? — говорит главный художник театра Михаил Иванович Новиковский.

— Оставить сцену пустой, предоставить все артистам? — Не интересно. Непонятно, почему же это «Иркутская история»? «Построить» на сцене «настоящую» электростанцию и плотину — тяжело, — «задавить» спектакль, убить настроение пьесы.

И вот, кажется, нашли.

По мысли художника, по обеим сторонам сцены подымутся ввысь мощные опоры плотины. Верх сцены перекроет карниз, несущий мачты высоковольтной линии.

Это индустриальная рамка спектакля. В нее вписывается действие, картины меняются при поднятом занавесе на глазах у зрителя.

— Бетонные опоры плотины? Высоковольтная линия? Индустриальная рамка? — Где же тут настроение? Лиризм? — спросите вы.

Волею художника, бетон приобрел сказочные свойства — он светится, опоры источают нежное сияние, они полупрозрачны. И все на сцене приобретает какую-то воздушность, невесомость.

На помощь художнику пришел материал: опоры плотины сделаны из марли, они подсвечены изнутри лампочками разных цветов, позволяющими менять характер освещения.

Кисейный занавес, который опускается во время смены картин, мерцающий, туманный свет, падающий на него, дополняют впечатление некоторой условности всего происходящего на сцене. Ведь это все — лишь рассказ о прошлом, лишь раздумье о будущем.

Мы не знаем еще, как все это будет на сцене, когда выйдут герои пьесы, прозвучат первые слова хора: «Правда ли, что, полюбив, человек распрямляется, как цветок на свету?»

Но замысел художника глубок, решение смело и оригинально.

Сказочная светящаяся плотина олицетворяет в спектакле мечту его героев, наших современников. «Счастье — это когда твоя работа хоть чуть-чуть лучше тебя» — вот мысль пьесы, ее оптимистическая нота, материализованная художником.

То, что не могло бы сделать самое точное воспроизведение на сцене сооружений Иркутской ГЭС, достигнуто легким намеком, условным образом.

М. И. Новиковский умеет раздвинуть рамки сцены, сочетая в оформлении самый строгий реализм с самой смелой условностью.

О такого рода условности говорил народный артист СССР Н. Охлопков: это — «факел, подносимый к пороховому складу фантазии зрителя».

В постановке «Каменное гнездо» по пьесе Вуолийоки Новиковский как будто бы допустил явную нелепость: он просто срезал часть стены задней комнаты, изображенной на сцене. И перед нами открылся кусочек финского пейзажа: ель, замеченная снегом, черные валуны, луна, окруженная ореолом, как бывает в сильные морозы. Краски синеватые, холодные.

Конечно, так не бывает, люди не живут в комнате с недостроенной стеной. Но вы это и сами знаете. Художнику не надо убеждать вас в этом. А холодный зимний пейзаж уводит за пределы театра. Вы бродите меж «финских хладных скал», вы понимаете теперь, откуда эта суровость в характере женщин Нискавуори. И еще большим равнодушием обдает вас «Каменное гнездо».

Такова власть театральной условности.

— Ну, с пейзажем работать легче, — говорит Михаил Иванович. Он перебирает эскизы к спектаклю «Дали неоглядные».

— Природа может сказать о многом... Очень трудно сделать выразительный интерьер.

Но вот — «Юпитер смеется» по Кронину. Здесь художник «сыграл» на цвете, на композиции.

Высокий холл английской клиники. Может быть, в английских клиниках холлы не совсем такие. Может быть, там лестницы более монументальны.

Но изящество всей обстановки здесь, на сцене, усугубляет тягостное чувство обмана, владеющее зрителем. Это не цивилизованный мир — это благоустроенная тюрьма, где задыхается умный человек, доктор Веннер. Это все издевка, насмешка — этот светлый холл, эти корректные господа, изящная Глэдис, ее жизнерадостный супруг, а о действительном положении вещей говорит лишь желтый цвет стен и мебели, — цвет сумасшествия, да смеющийся Юпитер на камине.

Оформление этого спектакля получило высокую оценку — диплом участника краевого смотра лучших спектаклей театрального сезона 1958—1959 гг.

«Юпитер смеется», «Дали неоглядные», «Кремлевские куранты», «Последняя остановка» — в Хабаровском театре драмы, «Накануне» в ТЮЗе, десятки спектаклей в Красноярске и Костроме, где работал художник раньше, — и в каждом поиски нового, еще неиспробованного, в каждом выдумка, творчество.

Новиковский уже не молод: далеко за плечами Ленинградская Академия художеств, сразу после нее Новиковский пошел не в театр, а на фронт — это было в сорок первом году... Дороги военного корреспондента дивизионной газеты...

И когда он вошел в свою первую мастерскую, волосы уже тронула седина.

Странная она, эта мастерская театрального художника, совсем не похожа на ателье живописца. Вместо станка — огромная площадь пола, на полу — во всю его ширину и длину — распластанное бязевое полотно. А по краям, группами и в одиночку, — тазы. Обыкновенные цинковые тазы. В тазах краска. Это палитра художника. Можно представить, какими кистями черпают с этой палитры!

Михаил Иванович ходит в своем «ателье» прямо по бязевой глади. Четко рисуется на белизне полотна его невысокая, плотная, сильная фигура. Взгляд черных глаз рассеянно-сосредоточен: он видит и не видит это полотно под своими ногами. Наверное, он уже видит здесь небо, закатное, горящее, в дымных тучах над горизонтом, с легким розоватым облачком в вышине, — небо «Иркутской истории».

Михаил Иванович любит краски, живопись, он считает, что театральное зрелище должно быть ярким, праздничным. И это правда.

Новиковскому хочется передать зрителю свое восхищение красками, свое умение добиться удивительного светового эффекта.

Настоящий художник всегда ищет. А на пути исканий не избежать ошибок. И бывало, что оформление Новиковского своей яркостью, помпезностью «переходило дорогу» идее спектакля. Так получилось с постановкой «Фабричной девчонки».

Ведь в том-то и заключается специфика работы театрального художника, что он должен подчинять свое воображение, свою творческую фантазию идее пьесы.

Когда видение художника совпадает с замыслом режиссера, возникают спектакли, где все гармонично и законченно.

Думается, что таким цельным произведением явится «Иркутская история». Зритель оценит. И скажет свое слово.

Впереди снова работа и обязательные споры с режиссером, счастливые находки и разочарования, пока, наконец, не поднимется занавес над новой премьерой.

И так — от спектакля к спектаклю... Михаил Иванович Новиковский работает в нашем театре недавно. Всего третий год. С ним театр обрел краски. Его приняли хабаровчане. Он трудится рядом с нами — неспокойный, ищущий художник.

Т. ПОЛИКАРПОВА.

На снимке: М. И. Новиковский.

Фото В. Пильгуева.

